

КОНОВНИЦЫНЫ

в России и изгнании

Коновницыны в России и в изгнании

Православное издательство "Сатисъ"

2014

Коновницыны в России и в изгнании / Православное издательство
"Сатись", 2014

ISBN 978-5-7868-0157-7

В книге «Коновницыны в России и в изгнании» рассказывается об истории одного из славных родов русского дворянства и его представителях, сыгравших заметную роль в истории нашего отечества. Сохранены авторские орфография и пунктуация.

ISBN 978-5-7868-0157-7

, 2014
© Православное издательство
"Сатись", 2014

Содержание

Гр. П.А. Коновницын. История моей жизни	6
Предисловие	6
Кярово	7
1913 год	9
Начало войны	10
Дядя Мануша	12
Пажеский корпус	13
«Великая бескровная»	16
Отречение	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Коновницыны в России и в изгнании

© П.А. Коновницын, Е.А. Коновницына. 2014

© Издательство «Сатисъ» оригинал-макет, оформление. 2014

Гр. П.А. Коновницын. История моей жизни

Предисловие

Эта книга содержит в себе мемуары графа Петра Алексеевича Коновницына, прямого потомка и правнука генерала Петра Петровича Коновницына, получившего графский титул для себя и своих потомков от Императора Александра I за героические подвиги во время Бородинского сражения и за воинские заслуги до и после Бородинского боя. Ему также была пожалована шпага, усыпанная бриллиантами с надписью «За сражение противу французов».

За мемуарами следует краткое «Приложение», которое является продолжением мемуаров и дополнением к ним уже после кончины Петра Алексеевича в 1965 году, в Лос-Анджелесе и с того момента, когда его записи заканчиваются. «Приложение» краткое потому, что мы старались выпустить эту книгу к празднованию 200-летия Бородинского боя и победы над Наполеоном, а возраст у нас уже преклонный и это нелегкий труд для нас.

Потомки графа Петра Петровича крепко чтят его память и преклонялись перед его подвигами и трудами. Величая его потомков «графами», выражают почтение именно их предку.

Правда, потомки за границей сохранили Православие, передали своим детям и внукам родной русский язык, привили им любовь к исторической России и с честью пронесли свое имя в эмиграции.

Все поколение возраста наших родителей пережило тяжелую трагедию революции, потерю своей родины России, расставание с родными, которых они больше никогда не увидели. Жили на чужой земле, оплакивая свою горькую судьбу. На самом деле оправдалось по Некрасову:

...и горек кусок подаянного хлеба,
и жестки ступени чужого крыльца...

Хотя они на самом деле зарабатывали свой кусок хлеба, и зачастую тяжелым физическим трудом, помня, что никакой честный труд не позорит человека.

Несмотря на тяжелые и неблагоприятные условия жизни, сын Петра Алексеевича, Алексей Петрович, принимал участие в устройстве монархических собраний в русской колонии и читал свои доклады, печатался в приходском журнале (и сейчас пишет в «Нашей стране», единственном монархическом печатном органе на все зарубежье) на исторические темы, всегда освещая русскую монархию в свете правды и любви.

Мы благодарим Петра Ефимовича Гребельского, кавалера ордена Святой Анны 2-й степени, и его многоуважаемую супругу Валерию Михайловну, наших добрых друзей, а также дорогую Елену Емильяновну Смолич за их помощь в подготовке этой книги к печати.

Кярово

*И припомнил я речи другие
И родные поля и леса...*

Чудское озеро в летние солнечные дни имеет зеркально-гладкую поверхность бирюзового цвета. Оно очень большое и напоминает море.

Пологие берега покрыты нежным, как бархат, песком, вода теплая и очень приятно купаться.

Вдоль берега несколько серых рыбацких деревень, за ними к самой воде спускается старая дубовая роща. Вековые дубы причудливой формы раскинули свои мощные ветви.

В озере много рыбы: огромные серебристые сиги, скользкие налимы, колючие ерши и разная другая рыба.

С криком кружатся чайки, а иногда быстро пролетят утки... В непогоду озеро делается свинцового цвета и поднимаются большие волны.

В древние времена на льду этого озера произошло знаменитое Ледовое Побоище.

В двух верстах от берега – уездный город Гдов, который, по преданию, был вдовым уделом Святой княгини Ольги. Остатки крепостного вала, сложенные из валунов, свидетельствуют об их древнем происхождении. Посреди города течет река. На холме – городской сад, собор и тюрьма. На главной улице – лабазная торговля.

Из Гдова к Нарве протянулось широкое шоссе. По сторонам его больше всего лесов, иногда пастбища, пахотные поля, болота. Здесь много всякой дичи: тетеревов, глухарей, уток, рябчиков. Встречаются иногда лоси и медведи. Весной, когда в холодных лужах талого снега отражается вечернее небо, хорошо тянут вальдшнепы. На шестой версте от Гдова шоссе пересекает проселочная дорога к деревне Смуравьево. Кругом поля ржи, ячменя и овса.

Вскоре за деревней начнется аллея из старого леса и закончится у церковной ограды, посреди которой белая каменная церковь с зеленым шпилем.

В церкви, у левого клироса на полу, две мраморные плиты: могила моего прадеда, героя Отечественной войны 1812 года и моей прабабушки. Далее могила моих дедушки и бабушки. Перед могилами икона Казанской Божьей матери в золотой ризе, украшенной бриллиантами. Риза была сооружена после смерти прадеда из его шпаги, пожалованной ему за Бородинский бой. На обратной стороне иконы выгравировано: «Благословение всему роду». Горит лампада... Рядом древнего письма икона Николая Чудотворца с надписью: «Сопутствовала в войнах 1812–1814 годов».

Вокруг церкви фамильное кладбище.

Мимо церкви, между оградой из густых елок, дорога ведет к подъезду большого деревянного двухэтажного дома, а из церковной ограды калитка ведет в сад. Он спускается к реке. На другой стороне реки большой парк. В саду много душистой сирени, липовая беседка, серебристые тополя, а около самого дома – старый дуб, ему насчитывают несколько столетий.

Фамильный дом графов Коновницыных в Кярово.

Из сада через одну веранду можно войти в гостиную, а через другую – в столовую. По праздникам сюда доносится церковное пение. Паркет в гостиной сложен из различных пород дерева и изображает звезды. Мебель тяжелая, из карельской березы. На стенах, в старинных рамах, семейные портреты. В столовой большие диваны из красного дерева и большой круглый стол. Колонны отделяют столовую от библиотеки. В ней много редких книг: в больших кожаных переплетах, с множеством прекрасных гравюр, одно из первых изданий Французской Энциклопедии времен Людовика Шестнадцатого, есть рукописи царствования Федора Иоанновича, а также Российская Вифлеотека, Зерцало Жизни, французская классика, когда-то модные романы, много военных карт и чертежей пушек...

Рядом со столовой кабинет прадеда. В нем мебель Жакоб: красное дерево, бронза и гобелены. На письменном столе бронзовый бюст прадеда. У окна вольтеровское кресло, в углу костыль, которым пользовался прадед после ранения. На стене портрет Александра Первого во весь рост, прекрасные миниатюры и коллекция старинного оружия; кремневые ружья с золотой и серебряной насечкой, кольчуги, старинная сбруя.

Вокруг дома хозяйственные постройки и два фруктовых сада.

Весной, когда цветут яблони и сирень, звонко поют соловьи...

Узкая дорожка мимо церковной ограды и крутого берега реки ведет к мосту и водяной мельнице.

Кругом поля, а за ними березовый лес. В нем много ландышей, земляники и грибов...

Это Кярово, родовое имение графов Коновницыных.

1913 год

Солнечный, теплый, летний день. С утра запрягли тройку в большую парадную карету с семейными гербами на дверцах. Отец и младший брат Шура поехали встречать на пристани озера делегацию от 4-го Копорского полка, которая прибыла возложить венки на могилу своего Шефа, моего прадеда.

После полудня стали съезжаться приглашенные; предводитель дворянства, чиновники из города и помещики. Собралось человек тридцать. Затрезвонили в церкви, и делегация полка: командир полка, старший офицер – подполковник, адъютант, фельдфебель и два унтер-офицера, в парадной форме, – понесла в церковь на бархатной подушке большой серебряный венок из дубовых и лавровых листьев с широкой Георгиевской лентой. Отец в дворянском мундире с орденами, предводитель дворянства, гости и вся наша семья встретили делегацию полка у входа в храм. Крестьяне и крестьянки в праздничных нарядах наполнили церковь и стояли в ограде. Народу собралось так много, что все не смогли поместиться в церкви. После торжественной панихиды, делегация возложила венок на могилу.

Против дома, на лужайке, накрыли столы для гостей, а за церковной оградой устроили угощение для крестьян.

Обед проходил очень оживленно. Когда разлили шампанское в бокалы, отец произнес свой тост:

«Милостивые Государыни и милостивые Государи!»

Празднуя в настоящем году истекшее столетие славы Отечественной войны, мы должны, особенно в настоящее время, когда нашей родине России грозит внутренний враг, куда опаснее и сильнее Наполеона, тесно сплотиться и проникнуться славными воспоминаниями доброго старого времени и всего тогда пережитого, чтобы в полном единении со своим Царём поднять на Руси, как прежде, как это делали наши предки, то же чувство беспредельной любви к своему Отечеству, а затем дружно грудью отстоять тот натиск, который готовят нам враги России: инородцы-революционеры, а также русские люди, прикрывающиеся для своей пользы именем патриотов, но творящие зло и неправду. Эти враги желают низвергнуть силу и мощь России – Самодержавного русского Царя, и тем навсегда погубить наше Отечество.

Укрепившись прежде всего в нашей вере православной, мы, в виду грядущих событий, должны с молитвою обратиться к Господу и просить Его: Боже, спаси Россию! Сохрани нам нашего Царя Самодержавного, сохрани нам этот единственный источник правды и справедливости и помоги народу русскому пребывать в полном единогласии, отстранить всякое средостение, чтобы тесно объединиться с Помазанником Твоим, Православным Русским Царем, на благо дорогой всем нам России».

Раздались крики – ура!

Начались тосты. Пили за славный Копорский полк Петровской дивизии, а с лужайки, около церкви, доносились крестьянские песни.

Когда стало смеркаться, гости стали разъезжаться.

Отец приказал снять со стены в гостиной большой портрет Петра Петровича прекрасной работы французского художника и подарил его в офицерское собрание Копорского полка.

Начало войны

Кярово. Жаркий летний день 1914 года. Белое облако лениво плывёт по голубому небу... Обед недавно закончился и все разошлись, кто куда. Отец перешел на веранду в свое любимое место, за маленьким столом, на котором стоял его серебряный подстаканник со стаканом крепкого чая. Его взгляд рассеянно устремился вдаль. Он курит и ждет почту. Наконец послышалось тарыхтение тележки, и на дороге показалась лошадь Сероха – это молочница возвращается с почтой из города.

Я сижу с книгами в кабинете, в вольтеровском кресле, и вижу, как отцу принесли почту. Он открывает «Новое Время» и взволнованным голосом зовет мать: «В Сараево убит террористом сербского происхождения австрийский эрцгерцог, может вспыхнуть война». Я подумал, что это было бы очень интересно, и пошел рассказать об этом старшему брату Коле. Ему эта новость тоже понравилась. Было жарко и мы пошли купаться.

Когда солнце склонилось к западу и длинные лиловые тени легли на дороге, мы решили проехаться верхом. Коля оседлал Мальчика, а я – своего Барса. Полкан, наш любимец – ирландский сеттер, бежал впереди с радостным лаем, от него не отставали Дик и Отрада.

Выезжаем рысью на аллею... Навстречу из деревни едут верхом парни и девки на ночное, в лес. Звонят бубенцы на лошадях, и далеко разносится крестьянская песнь:

Пожалей душа моя желанная
Молодецкого плеча...

Проезжаем деревню и пускаем лошадей в галоп, а потом в карьер. Только свистит ветер в ушах... Вот хорошо, если бы война была в наших краях, мы здесь знаем каждую тропинку. Возвращаемся домой шагом с военными песнями: «Скачут, поют юнкера гвардейской школы, бубны, тарелки, литавры звенят...»

Около конюшни оставляем лошадей Игнату и идём в столовую ужинать. По дороге решаем завтра рано утром идти в лес на тетеревов.

Старшая сестра Наташа, Таня, гувернантка Анна Германовна и младший брат Шура недавно вернулись из леса: они ходили за грибами и принесли полные корзины. В этом году особенно много грибов.

Абажур висячей лампы бросает яркий свет на накрытый стол.

За ужином обсуждаются события; отец рассказывает подробности.

Коля доволен, если начнется война, он в ней может участвовать, хотя при современной военной технике она может и не продлится более чем 3 или 4 месяца. В таком случае он пойдет добровольцем, а офицерские погоны заслужит на войне.

Решено завтра всей семьей ехать в Колодье, к соседям. Отец хочет повидать адмирала Сарычева. Сейчас там гостят фон Бок, подруги сестер и гимназист, приятель Шуры. У них постоянно бывают соседи из Казино, оно очень близко от Колодья. Наверно будет Владислав Мечеславович, он отлично и охотно играет на рояле. Его любимые композиторы Шопен и Лист. Наверно там будет и Стася. Коля к ней, кажется, равнодушен. У нее красивый профиль, нежный цвет лица и большие серые глаза.

Дни бегут. В беззаботную жизнь полную деревенских радостей врывается вихрь грозовой тучи политических событий. Газеты приносят каждый день что-нибудь новое. Австрия предъявила Сербии позорный для нее ультиматум. Сербия просит защиты у России. Россия не могла оставаться равнодушной к ее судьбе и объявила частичную мобилизацию. Германия объявила мобилизацию. Общая мобилизация. Война.

Дядя Мануша

*Лето прошло, цвет в полях опал
И как-то тоскливо стало на душе...*

Петербургское раннее утро конца августа 1914 года.

Моросит холодный дождь и воздух пропитан сыростью. На улицах офицеры в походной форме. С Балтийского вокзала на извозчике мы с Колей поехали к дяде Мануше. Он жил на Саперном переулке, и его квартира была почти напротив нашей. Дядя был холостяк. Рассказывали, что в молодости он увлекся и сделал предложение, но не получил согласия и с тех пор никогда не делал попытки жениться.

Нам открыл дверь Старжук, дядин слуга, бывший гвардейский матрос. Он хорошо знал дядины привычки и был ему незаменим.

На вешалке висела солдатская шинель и шашка. Заметив наш любопытный взгляд, Старжук сказал, что вчера приехал из Москвы наш племянник, Николай Сергеевич. Он хотя и был нашим племянником, но был лет на десять старше меня.

Дядя спал. Он ложился спать обыкновенно с рассветом и вставал очень поздно.

Мы привели себя в порядок с дороги и сели в столовую пить кофе.

Николай Сергеевич уже встал. Он в этом году окончил Лицей и поступил, как и большинство его приятелей, вольноопределяющимся в Сумской гусарский полк. «Конечно, война не может долго продолжаться, наша кавалерия уже в Восточной Пруссии».

Звонок. Пришел гусар, приятель Н. С. Мы познакомились. Он стал показывать купленный клинок для шашки «Волчек» из ковanej стали. Вынул его из ножен и стал сгибать дугой. Они скоро ушли, было ещё много дел перед отъездом. Завтра уезжают на фронт.

Дядя встал к завтраку. Он был высокого роста и полный. Красивые черты лица оттеняла черная седеющая борода. Длинные черные волосы он зачесывал назад. Ему было 68 лет. Он был, как всегда, рад нас видеть. Мы сели завтракать. Пришел к завтраку Владимир Петрович, наш кузен. Ему было лет 30. Он постоянно мерз и кутал ноги в плед. Климат Петербурга ему не нравился и вообще Россию он не любил, считал ее дикой и отсталой. Он жил постоянно в Париже. В Россию он приезжал на два или три месяца в свое имение под Москвой. Проездом он всегда навещал дядю, которого очень любил несмотря на разницу во взглядах. Кузен был очень огорчен, что ему придется остаться в России до конца войны, хотя был, как и большинство, уверен, что война долго не продлится. Дядя говорил, что хотел бы дожить, из любопытства, до конца войны.

Пили кофе в гостиной и Владимир Петрович рассказывал о своих парижских впечатлениях. Незаметно время приблизилось к обеду. После обеда дядя сел в свое кресло с высокой спинкой. Оно стояло в углу у окна. Старжук принёс керосиновую лампу, чтобы не портить глаза. Дядя надел очки, закурил сигару и стал просматривать газеты. «28-го августа, со знаменем 4-го Копорского полка в руках был убит полковник Шильцов, а 23 августа, в бою у Орлау, командир 29-го пехотного Черниговского полка, полковник Алексеев был заколот штыком со знаменем в руках. Полковая святыня старого петровского полка чуть не попала в руки немцам. На крик солдат “Знамя спасём, знамя!” группа, при которой находилось знамя, попала в критическое положение; один офицер сорвал полотнище, георгиевский крест, ленту и с большим трудом вынес знамя...»

Пажеский корпус

На следующее утро мы с Колей поехали на извозчике в Пажеский корпус. Извозчик выехал на Невский проспект и повернул на Садовую улицу. Вот и ворота чугунной решетки корпуса. За ней плац, по сторонам деревья, а в перспективе темно-красное здание корпуса, построенного знаменитым графом Растрелли. Это бывший дворец Екатерининского вельможи графа Воронцова.

Императорский Пажеский Корпус.

При императоре Павле Первом это здание было предоставлено Ордену Мальтийских Рыцарей, гроссмейстером которого был Государь.

Во внутреннем дворе рыцари построили католическую капеллу. В ней около креста, с левой стороны, висел на стене большой портрет Императора Павла Первого в пурпурном бархатном облачении с большим мальтийским вытканым белым крестом на груди. Над входом в капеллу надпись золотыми буквами: «Deo Joannis Baptiste Paulus I Imperator hospitalis decaved».

Пажи съезжаются на извозчиках, некоторые в своих каретах. Мелькают черные пальто с золотыми погонами и Императорскими вензелями. Младшие пажи отчетливо прикладывают руку в белой замшевой перчатке к козырьку фуражки с офицерской кокардой, отдавая честь старшим.

Извозчик останавливает лошадь у подъезда, и мы входим в корпус. Встречая пажей своего класса, Коля с ними целуется. «У нас такая традиция», – говорит он. Мы поднимаемся по лестнице и идем к моему воспитателю в третью роту.

В ротном зале большой портрет Государя в форме лейб-гвардии Гусарского полка: красивый доломан с белым ментиком.

Мой воспитатель подполковник Максимилиан Николаевич фон Крит, или просто Мака, как мы его называем между собой. У него длинные пушистые усы, прическа ёжиком. Он носит

длинные шпоры и курит папиросы из длинного мундштука. Какой-то остряк написал на него стихи:

На третью роту кто ворчит?
Усатый старый Мака Крит.
Кто будет сын его, чтоб знать,
Не надобно о том гадать:
Не будет он политиком,
А будет ясно критиком.

В списки корпуса и в классный журнал меня записали как графа Коновницына 6-го.

В корпусе много русских и иностранных знатных имен. Из Членов Императорской Династии в мое время был князь Федор Александрович. У воспитателя капитана Елагина жил последний принц Палтава. Он учил русский язык и через год должен был поступить в корпус. Посольство из знатнейших представителей его страны привезло принца в Петербург. Это считалось большим дипломатическим успехом русской восточной политики. Два короля были пажами: Король Югославии Александр и Король Сиамский Чакрабон.

В белом зале корпуса, среди портретов Императоров, находился прекрасной работы бронзовый бюст Императора Николая 2-го. Под ним на бронзовой доске, на постаменте, сделана надпись: «Родному корпусу Принц Чакрабон Сиамский. 1898–1902».

Мальтийские рыцари в свое время построили в корпусе православную церковь. Они украсили священные сосуды Мальтийским крестом, а у входа в церковь на мраморной доске с Мальтийским крестом были выгравированы заветы Ордена:

1. Ты будешь верить всему тому, чему учит Церковь и будешь исполнять все Ее предписания.
2. Ты будешь охранять Церковь.
3. Ты будешь относиться с уважением к слабому и сделаешься его защитником.
4. Ты будешь любить страну, в которой ты родился.
5. Ты не отступишь перед врагом.
6. Ты будешь вести с неверными беспощадную и постоянную войну.
7. Ты не будешь лгать и останешься верен данному слову.
8. Ты будешь щедр и будешь всем благотворить.
9. Ты везде и повсюду будешь поборником справедливости и добра против несправедливости и зла.

Мы себя считали наследниками Мальтийского ордена и его заветов, а белый Мальтийский крест был утвержден Государем как знак корпуса.

Пажи чувствовали себя членами одной семьи, воспитанной в одних и тех же традициях. Это сознание сохраняли и бывшие пажи. В общественных местах пажи подходили здороваться с офицерами, носившими пажеский значок.

До войны Государь обыкновенно каждый год посещал корпус, приходил на уроки, разговаривал с пажами. Провожая Его, пажи долго бежали за Его санями.

Вакансии в гвардию и во все рода оружия сперва предоставлялись пажам, после чего оставшиеся распределялись по всем остальным военным училищам.

С самого начала своего существования корпусу уделяли Государи много внимания. Он отличался от других военно-учебных заведений более расширенной программой, в особенности иностранных языков. В корпус назначался специально отобранный воспитательский и преподавательский персонал.

В списках бывших пажей было много не только храбрых воинов, награжденных высшими боевыми отличиями, но также длинные списки героев, павших на поле чести, и много просвещенных государственных деятелей.

К жизни корпуса я скоро привык и его очень полюбил. В моём классе было 18 человек, и жили мы очень дружно. Утром вставали в 7 часов. Нас будил или барабан или кавалерийская труба. Мы больше любили трубу: сигнал длился дольше и был мелодичнее.

После утренней молитвы в спальне, перед большой иконой Божьей Матери, мы шли строем в столовую пить кофе. Потом час на повторение уроков с часовым перерывом на завтрак и прогулку. После обеда два часа свободных: игры в футбол, в теннис или просто прогулка на плацу. В корпусе был бассейн, где раз в неделю был урок плавания. Был манеж, где учили верховой езде, начиная с шестого класса. По вечерам желающие брали уроки ваяния или музыки. Я увлекся живописью и брал уроки у Александра Богдановича Вилленвальде, сына известного баталиста.

Самым талантливым учеником был князь Николай Голицын. К нашему большому горю, купаясь летом в имении, он утонул.

Во время уроков живописи Александр Богданович держал себя с нами как равный: мы забывали на время военную дисциплину и чувствовали себя в атмосфере художественной богемы, рассказывали фривольные анекдоты, шутили, смеялись.

В феврале 1916 года брата Колю произвели в офицеры. Он вышел вместе с 4-мя пажами в лейб-гвардии Драгунский полк.

В день производства, после молебна, весь корпус выстроили в белом зале. Директор корпуса прочел телеграмму Государя о производстве и поздравил пажей с первым офицерским чином. После этого они переоделись в офицерскую форму.

Вечером праздновали производство в одном из лучших ресторанов Петрограда. Первый тост – за Государя Императора: каждый опускает в бокал шампанского свое кольцо из вороненой стали с золотым ободком – будь тверд, как сталь, и благороден, как золото.

После двухнедельного отпуска они уезжают в маршевые эскадроны, а оттуда на войну.

«Великая бескровная»

Конец февраля 1917 года. Стоят солнечные дни, что в Петрограде бывает не так часто. В полдень капает с кровли.

В городе забастовки заводов и начинаются беспорядки.

Из окон фехтовального зала Пажеского корпуса видны толпы рабочих на Садовой улице и Невском проспекте.

Отец неожиданно приехал с фронта в субботу, и я с ним вечером был в Александринском театре. После спектакля мы с трудом вышли из театра, так как около него собралась огромная толпа и затрудняла выход. Слышны были отрывки произносимых речей и гул одобрения. Полиция была уже бессильна.

На следующий день отец, брат Шура и я пошли обедать на Николаевский вокзал, так как мать была в Кярово всю зиму, а вход в рестораны пажам и кадетам был воспрещён.

Мы шли по Невскому. На тротуарах встречались лужи крови. На улицах было много рабочих.

Вдруг со стороны Адмиралтейства заиграла кавалерийская труба. Мгновенно все люди бросились бежать к дверям или подъездам домов. Мы тоже старались, чувствуя опасность, войти в ближайшую дверь, но привратница хотела ее захлопнуть. Всё же отцу удалось просунуть руку в щель и ей помешать.

Едва мы вошли за дверь, как началась пулеметная стрельба вдоль Невского. Стрелял 9-й запасной Кавалерийский полк. Мы видели из окна, как один старик, перебежавший через улицу, упал, схватившись за живот. Вскоре труба заиграла отбой и стрельба прекратилась. Очень быстро появились кареты скорой помощи и стали подбирать убитых и раненных.

Пообедать нам в этот день не удалось, отец уехал в Кярово, а мы вернулись в корпус. В этот день была уверенность, что войска быстро подавят беспорядки и все успокоится.

На другой день утром ворота корпуса закрыли и поставили для охраны посты из пажей специального класса. Из казарм Павловского полка привезли запас боевых патронов и говорили, что в гимнастическом зале поставили пулемет.

Вечером стали проникать тревожные слухи: говорили о бунтах в запасных гвардейских батальонах. Мы видели из окон корпуса густой дым: на Литейном проспекте горел Окружной суд. Говорили, что революционная толпа освободила заключенных из тюрем...

На вечернюю молитву пришел полковник Фену. «Государь и Россия переживают тяжелые дни», – сказал он. Мы спели «Боже Царя храни» и разошлись по кроватям с тяжелым чувством.

Утром мы увидели, что ворота в корпус открыты, и их никто не охраняет. Мы узнали, что почти весь Петроградский гарнизон перешёл на сторону революционеров. Нам приказали как можно скорее уходить по домам. Большинство стало расходиться. В это время появился слух, что революционная толпа окружила Царскосельский Александровский дворец и угрожает Императрице с больным Наследником и Великими Княжнами. Паж Колэн стал собирать оставшихся, чтобы со знаменем и винтовками идти защищать Царскую Семью. «Пусть мы не дойдем и все по дороге погибнем, но мы должны это сделать».

Внезапно на корпусной плац въехали 6 бронированных автомобилей. Нас, оставшихся человек двадцать, быстро перевели во внутреннее здание в лазарет. Автомобили стали стрелять по корпусу из пулеметов. Они стреляли с перерывами. В один из этих перерывов приполз швейцар и сказал, что меня вызывают к телефону из Смольного института, наверное, сестра, Таня... Я добрался до телефонной будки у швейцарской, но телефонная связь была уже прервана. Я видел, как полковник Фену быстро открыл дверь и вышел на подъезд. Раздался выстрел. Осколком стекла ему поранило лицо. Громким голосом он предложил желающим осмотреть корпус и убедиться, что в корпусе почти никого нет.

«Великая бескровная»

Убедившись, что корпус не может оказывать никакого сопротивления, представители народа удалились, взяв на память вешалки, бобровую шапку преподавателя французского языка М-р Мишеля, благородно заменив ее грязной рабочей кепкой, шуб в то время еще не брали.

После всего описанного я решил ехать к родителям в Кярово и пошел на Балтийский вокзал пешком. Трамваи не ходили, а извозчики исчезли.

Выхожу на Садовую. По улице к Невскому движется густая толпа. Впереди под руки ведут двух окровавленных городских. У одного рана на лбу и лицо залито кровью, у другого лицо в кровоподтеках, он, видимо, сильно избит. За ними едут два казака верхом. Они время от времени бьют городских нагайками. Озверевшая толпа, главным образом женщины, старается их ударить или плюнуть в лицо.

Толпа вынесла меня на Невский. На рельсах лежит перевернутый трамвай. Передние ряды толпы остановились. Приближается воинская часть. Оркестр играет Марсельезу. Впереди на гнедой лошади адмирал. Он ведет отряд Гвардейского экипажа. Матросы идут в ногу, в полном порядке. Развешиваются Георгиевские ленты на бескозырках и красные банты на груди. Толпа приветствует матросов криками и маханием рук. Я очутился в передних рядах, и адмирал проехал совсем близко от меня. Его лицо было очень бледно. Наши глаза встретились. В них можно было прочесть удивление. Меня поразило, что адмирал ведет матросов с красным бантом под звуки Марсельезы, а его видимо поразило увидеть пажа с императорским вензелем в революционной толпе. Пропустив толпу, я опять вернулся на Садовую и пошел к Балтийскому вокзалу.

По дороге в толпе солдат и рабочих попадались женщины в солдатских шинелях с оружием. Около Владимирского собора была слышна пулеметная стрельба.

Наконец я добрался до вокзала. Мимо меня прошел большой отряд Ораниенбаумской пулеметной школы, как я узнал из разговоров в толпе. Впереди отряда бравый прапорщик

с большим красным бантом на груди. Толпа загудела и замахала. Прапорщик поворачивает голову направо и налево и прикладывает руку к папахе, отдавая честь.

Мне пришлось долго ждать поезда на вокзале. Наконец подали состав. Я сажусь в купе, оно быстро наполняется. Студент, гимназист, несколько штатских. Холодно – поезд не отапливается. Я прикидываюсь спящим. Слышу, как завязывается разговор. Рассказывают, как сняли фараонов, то есть полицейских, с колокольни, откуда они стреляли из пулеметов... Государственная Дума, взяла власть в свои руки. «А вы читали воззвание совета рабочих и солдатских депутатов? Сейчас в каждом районе города организовывается комитет...»

Я засыпаю. Просыпаюсь, Нарва. Пересаживаюсь в поезд на Гдов. Теплые вагоны, мало пассажиров. Тихо и спокойно. Революция сюда еще не докатилась. Поезд быстро отходит. Через три часа я в Гдове.

На вокзале я нанимаю крестьянскую тележку и еду в Кярово. Около дома собаки меня встречают веселым лаем. Отец с матерью в столовой, пыхтит самовар. Тихо и тепло. Родители удивлены моим приездом. Газеты не выходят уже несколько дней и здесь никто ничего не знает. Я рассказываю о пережитом. Пью чай с ромом и долго пересказываю подробности.

Отречение

Двадцать восьмого февраля почти весь Петроградский гарнизон присоединился к революционным толпам. Говорили, что революционная толпа движется в Царское Село. Наследник и Великие Княжны были больны корью. Их заразил приятель Наследника, кадет Первого кадетского корпуса, который играл с Наследником во дворце.

По поручению Императрицы, граф Бенкендорф позвонил в Ставку и сообщил, что Государыня очень беспокоится за детей и предлагает выехать с детьми навстречу Государю.

«Ни в коем случае, – сказал Государь, – нельзя возить больных детей поездом. Передайте Бенкендорфу, что Я сам решил ехать в Царское Село».

Генерал Воейков, по приказанию Государя, пошел предупредить начальника штаба генерала Алексеева об отъезде Государя. Он его застал уже в кровати. Когда Алексеев услышал о решении Государя, его хитрое лицо приняло еще более хитрое выражение, и он с ехидной улыбкой спросил: «А как же он поедет? Разве впереди поезда будет следовать батальон, чтобы очищать путь?» – «Если Вы считаете опасным для Государя ехать, Ваш прямой долг мне об этом заявить», – сказал дворцовый комендант, генерал Воейков». «Нет, я ничего не знаю, это я так говорю. Отчего же? Пускай Государь едет... ничего».

Когда Воейков передал Государю содержание разговора с Алексеевым, лицо Государя выразило удивление, а затем сделалось бесконечно грустным.

По прямому проводу Воейков, по распоряжению Государя, переговорил с военным министром генералом Беляевым, который сказал, что положение катастрофическое, что всё правительство и командующий войсками Хабалов совершенно растерялись, и, если не последует энергичного вмешательства, революция примет грандиозные размеры. Относительно высказанного ему опасения за движение толпы в Царское Село, генерал Беляев сказал, что это сведения распространяемые Родзянко. Государь ответил, что им уже послан из Ставки назначенный главнокомандующий Петрограда генерал-адъютант Иванов с Георгиевским батальоном, причем выразил уверенность, что прибытие всеми уважаемого в армии генерала Иванова даст возможность мирным путем разрешить военные беспорядки.

Двадцать восьмого февраля Императорский поезд выехал на Оршу, Вязьму, Лихославль, а генерал Иванов тронулся только на следующее утро, не желая нарушать военного графика. В четыре часа утра выяснилось, что станция Тосно занята революционными войсками. Тогда был изменен маршрут и поезд двинулся на Дно, Псков.

В Пскове Государя встретил генерал-адъютант Рузский со старшими чинами штаба. На другой день Рузский сказал генералу Воейкову, что телеграмма, которую Государь ему накануне передал относительно ответственного министерства, настолько, по его мнению, запоздала, что он её после переговоров с Родзянко даже и не отправил и, что сейчас единственный выход – отречение Государя, с чем согласны и все главнокомандующие войсками, и командующий флотом.

В тот же день было, по приказу генерала Рузского, остановлено движение на Петроград второй кавалерийской дивизии под начальством князя Ю.И. Трубецкого. В тот же день Государю были переданы телеграммы от Великого Князя Николая Николаевича, Эверта, Брусилова, Сахарова, адмирала Нелепина, в которых эти главнокомандующие просили Государя отречься от Престола. Колчак телеграмму не послал, но был с ними солидарен. Одновременно Рузский доложил Государю запись с ленты прямого провода: «Сообщение помощника начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерала Клембовского генерал-квартирмейстеру штаба Северного фронта генералу Болдыреву.

«Известно ли Вам о прибытии сегодня конвоя Его Величества в полном составе в Государственную Думу с разрешения своих офицеров и о просьбе депутатов конвоя арестовать тех

офицеров, которые отказались принять участие в восстании» (в действительности это была нестроевая команда конвоя).

«Известно также о желании Государыни Императрицы переговорить с представителями исполнительного комитета Государственной Думы и, наконец, о желании Великого Князя Кирилла Владимировича прибыть лично в Государственную Думу, чтобы вступить в переговоры с исполнительным комитетом. В Москве по всему городу происходят митинги, но стрельбы нет. Генералу Мрозовскому предложено подчиниться Временному правительству. Арестованы: Штюрмер, Добровольский, Беляев, Войновский-Кригер, Горемыкин, Дубровин, два помощника градоначальника и Климович.

Исполнительный комитет Государственной Думы обратился к населению с воззванием возить хлеб, все продукты на станции железной дороги для продовольствия армии и крупных городов. Петроград разделен на районы, в которые назначены районные комиссары. Представители армии и флота постановили признать власть исполнительного комитета Государственной Думы впредь до образования постоянного правительства.

Все изложенное нужно доложить Главнокомандующему для всеподданнейшего доклада».

После разговора Государя с Рузским, Государь вызвал к себе министра Двора графа Фредерикса. В свитском вагоне собрались лица Государевой Свиты и высказали опасение, что Государь может принимать решение на основании докладов «лисы» – так звали Рузского.

Когда Фредерикс вернулся, он сказал, что Государь подписал отречение. Воейков побежал в вагон Государя и спросил, правда ли это? – «Что мне оставалось делать? – сказал Государь, – все мне изменили, первый Николаша... Читайте» – и Государь передал пачку телеграмм. Государь сказал, что передал отречение Рузскому для отправки генералу Алексееву. Воейков просил Государя взять отречение обратно до приезда членов Государственной Думы, что Государь и сделал.

В 9 часов вечера прибыли делегаты, Гучков и Шульгин. Как только они вышли из вагона, их окружила собравшаяся публика и приветствовала криками «ура». Чиновник дворцовой канцелярии высказал своё возмущение, а стоявший около него комендант Пскова генерал Ушаков с самодовольной улыбкой сказал: «Нужно привыкать, теперь другие времена настали».

Оба делегата производили впечатление немых людей, были не бриты и в грязном крахмальном белье. Видимо они хотели понравиться своей неопрятностью делегатам совета Петроградских рабочих и солдатских депутатов, которые их сопровождали и ни на шаг их не оставляли до входа в Императорский поезд.

Делегаты вошли в вагон, где, кроме Государя, находились граф Фредерикс и генерал Нарышкин. Вскоре пришел Рузский. Входя, он недовольным голосом обратился к скороходу: «Всегда происходит путаница, когда не исполняют приказаний... ведь я ясно приказал направить депутатов прямо ко мне. Отчего это не сделано? Вечно не слушаются».

Гучков говорил ровно и спокойно, подробно описывал последние события в Петрограде. Государь спросил, что бы он считал желательным?

Спазмы сдавливали горло, и Государь поднес к нему руку. Со всех сторон раздались рыдания. Государь повернулся, пожал некоторым из близко стоявших руки, сокрушенный, с поникшей головой, ушел.

Свидание Великого Князя Михаила Александровича с членами Временного правительства состоялось на Миллионной улице, в квартире князя Путятин. На лестнице дома стоял караул офицеров от Преображенского полка.

Входя в квартиру, Милюков столкнулся с Великим Князем, который обратился к Милюкову с шутиливой фразой: «А, что хорошо ведь быть в положении английского короля. Очень легко и удобно!»

«Да, Ваше Высочество, очень спокойно править, соблюдая конституцию».

Родзянко занял председательское место и сказал вступительную речь, – мотивируя необходимость отказа от Престола. После него в том же духе говорил Керенский. Затем говорил Милюков. Он доказывал, что для укрепления нового порядка нужна сильная власть – и, что она может быть сильной только тогда, когда опирается на символ власти привычный для масс. Таким символом служит Монархия. Одно Временное правительство, без опоры на этот символ, просто не доживет до Учредительного собрания. Оно окажется утлой ладьей, которая потонет в океане народных волнений. Стране грозит при этом потеря всякого сознания государственности и полная анархия.

За этими речами полился целый поток речей и все за отказ от Престола. Гучков защищал точку зрения Милюкова, но слабо и вяло. Затем Милюков опять получил слово. Он был под впечатлением вестей из Москвы. В Москве все спокойно и гарнизон сохраняет дисциплину. Милюков был поражен, что его противники вместо принципиальных соображений перешли к запугиванию Великого Князя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.